

ЧТО В БАГАЖЕ ТЕАТРА?

Уфимцы поклоняются музам театра так же горячо, как и другим видам искусства. Почему же сегодняшние зрители недостаточно жалуют своим вниманием спектакли Республиканского русского драмтеатра, за исключением «Дома Барнарды Альбы», «Сверчка», «Мещанин» и еще нескольких работ.

Творчество во многом определяет зрителя. Успешно прошедшая премьера одного спектакля обязательно соберет поклонников театра и на следующую. Так было со «Сверчком». А слух о слабости другого спектакля недолго отведет зрителя от театра.

Разумеется, «Сверчок» дает представление о творческих возможностях актеров гораздо меньшее, нежели такие спектакли, как «Мещанин», «Четыре креста на солнце» и другие пьесы «серьезного» репертуара. Но этот музыкальный спектакль был интересен поисками и оригинальными находками, сочной игрой В. Булатовой, образами, созданными И. Чунтоновой, В. Миневым, Д. Боголеповым. От «Сверчка» веяло молодостью, задором, искренним желанием актеров доставить удовольствие зрителю.

На спектакль шли охотно, посмотрев, агитировали знакомых, и в большинстве своем от этой пьесы люди получали удовольствие.

Драматургия сейчас дает театрам достаточно богатый и разнообразный материал. Выбрать есть из чего, надо только уметь выбирать, соотносить веяния и требованиям времени.

А, может быть, в одном из спектаклей пойти по пути поэтического театра? Вот тут-то в массовости зрителя не пришлось бы сомневаться и труд актеров был бы оценен по достоинству. Поэтический театр популярен сегодня как никогда. За билетами в театр на Таганке москвичи стоят ночами.

Тому, кто постоянно смотрит спектакли Русского театра драмы, хорошо известно, что возможности отдельных актеров не дают ни малейших оснований для пессимизма. Напротив. Эти возможности таковы, что позволяют мечтать о брехтовской «Матушке Кураж и ее детях», о «Принцессе Турандот» К. Гоцци, и о других известных и, безусловно, выдающихся пьесах. Артистка театра Х. Варшавская блестяще справилась бы с ролью матушки Кураж, а внешние данные и стиль игры В. Булатовой рисуют столь заманчивый и яркий образ Турандот, что отказаться от этой мечты довольно трудно.

Но... вернемся к действительности и продолжим разговор о театре.

Газеты писали об открытии клуба любителей театра. Клуб был организован по инициативе артистов-комсомольцев Русского драматического театра. Члены клуба должны были обсуждать пьесы, которые собирались ставить театр, участвовать в просмотре и обсуждении спектаклей.

Это было радостное и потенциально весьма значительное событие в масштабах всего города. Оно сулило интересные встречи, споры, содержательные беседы и в конце концов должно было стать определяющим моментом жизни театра. В постоянном контакте со зрителем выявились бы многие детали, способствующие или не способствующие успеху спектаклей, родились новые идеи и, что самое главное, было бы убито безверие актера в зрителя и зрителя в актера. Первое заседание клуба прошло бурно. Но теперь уже трудно сказать, в силу каких причин работа клуба гложет.

Репетиции и каждый последующий спектакль имеют художественный смысл только тогда, когда мастерство актеров растет от спектакля

к спектаклю, когда становится ярче краски игры, когда идея пьесы сегодня звучит на тон выше, чем вчера. Мысли не новые, но возвращаться к ним приходится в связи с пьесой К. Хомьински «Ночная повесть», сценический вариант которой в исполнении Русского драматического театра отличался удивительным постоянством. «Ночная повесть» — пьеса об ответственности каждого из нас в борьбе с преступностью, с хулиганством. Действующие лица находятся в особых условиях, в ситуации, которая судьей назначает каждому его собственную совесть. А ты? Как поступил бы ты? Ты тоже в ответе за это! — в этих словах заключена идея пьесы, идея, которая должна звучать со сцены во весь голос, а звучала в полсилы.

Не приходится удивляться тому, что юный зритель с плохой скрытностью симпатией следил за уверенным Ловкачем, за полным достоинством Косым, а на Марека смотрел лишь с любопытством, размышляя, хватит ли у этого робкого мальчика смелости выступить против парней, которые держат в страхе целую группу людей.

Каждый образ этой пьесы требует четкого актерского решения, продуманного до мелочей, и особенно это касается положительных героев пьесы. Если образ Худого, созданный актером Хаустовым, был расплывчат и не вызывал особого внимания и глубоких размышлений — это полбеды. Но когда размыт и не выдерживает той нагрузки, которую возложил на него автор, центральный образ пьесы, образ, несущий в себе положительные начала, тогда проигрывает весь спектакль. Герой Ю. Карманова похож на провинциального школьника, который все-таки бросается в борьбу.

В более выгодном положении оказываются

те, кто смог увидеть телефильм «Ночная повесть». Проводит параллели не стоило бы, если бы в спектакле резко были обозначены грани той борьбы, которая составляет идею пьесы.

Как было бы в жизни все просто, если бы зло определяли расклеванные брюки, а добродетель — скромная курточка! Как легко были бы решены проблемы воспитания! Пожалуй, и пьеса не была бы написана. Реальность наших дней гораздо сложнее, именно эту сложность, душевное богатство одних и убогость других должен был преподнести спектакль. Но борьба двух начал показана большей частью иллюстративно, сведена к чисто внешним эффектам.

Телефильм «Ночная повесть» сделан более добротно, продуманно и не грешит теми недостатками, которые присущи спектаклю.

Причины, которыми зрители оправдывают свое нежелание активно посетить театр, различны. Одни в претензии к актерам, другим «не нравится» какой-то определенный спектакль. Вот почему в словах: «Товарищи! К нам едет режиссер!» — звучала надежда, вера в успех и в режиссерскую хватку заслуженного деятеля искусств РСФСР лауреата Государственной премии А. Э. Окуничкова, который вместе с Т. В. Яковлевой поставил в Русском театре драмы «Улыбки в двух частях». Не могу сказать, оправданы ли надежды актеров, но могу констатировать, что спектакль в какой-то мере получился. «Улыбки в двух частях» начинаются водевилем П. Каратыгина «Вицмундир».

Напомним читателю, что водевиль — это легкая пьеса, обычно основанная на анекдотическом сюжете, в которой диалог соединяется с куплетами, исполняемыми под музыку. Все это есть в водевиле «Вицмундир». Есть и

завключительная сцена куплетного типа с припевом, в котором все участники спектакля обращаются к публике. Но мало в нем того изящества, живости, умения легко танцевать и петь всеякие куплеты — того мастерства, которого требует водевиль.

Вокальные данные Ю. Карманова, изящество и ловкость А. Тарасовой не спасают от странного для водевиля впечатления затянутости, тяжеловатости.

Водевиль Эриксона и Мэйо «Лгунья» сглаживает впечатление от «Вицмундира»; кривая настроения ползет вверх. Здесь есть и живость, и легкость и нужный ритм. Очень хорош дуэт Мэдди, (зрители В. Булатова) и Джимми (артист О. Жарков). Заставляют смеяться мисс Патинтон (М. Левитина) и полкмен (Д. Боголепов). Водевиль «Лгунья» и его исполнение стоит доброй улыбки и громких аплодисментов. Улыбка, рожденная водевилем «Лгунья», закрепляется и становится настроением зрителя во второй части спектакля, и способствует этому третьей акт комедии В. Катава «Дорога цветов» в исполнении артистов Р. Бяковой, Л. Бенина, В. Волкова. Как видим, в порохоницах театра порох есть. Есть у актеров желание, гордость за «кафедры жизни» своим голосом. Об этом свидетельствуют и последние постановки, в частности, спектакль «Без вины виноватые».

Возможно, кому-то некоторые положения этой статьи покажутся спорными. У каждого зрителя свой угол зрения, свое отношение к работам Русского театра драмы. Бесспорно, одно искреннее желание поклонников драматического искусства видеть свой театр смелым и бойким, идущим в ногу со временем и опережающим его.